

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing. The man, on the left, has dark hair and is wearing a black suit with a white shirt and a dark tie. The woman, on the right, has long blonde hair and is wearing a white blouse. They are standing in front of a large window that offers a view of a city skyline at night, with lights from buildings visible in the background. A wristwatch is resting on a ledge in the lower right foreground.

ЗА ЧАСАМИ
не возвращаются

——
Любовь Земная

18+

Любовь Земная

За часами не возвращаются

«Автор»

2026

Земная Л.

За часами не возвращаются / Л. Земная — «Автор», 2026

В тридцать четыре года она пришла устраиваться на работу, квартира, разбитое сердце, привычка не верить обещаниям. Он был на десять лет младше. Наследник бизнеса, красивый и упрямый. Их не должно было тянуть друг к другу. Они не пара друг другу. Через два месяца он уже говорил «я тебя люблю» в темноте её прихожей. А потом с её рабочей почты ушли документы конкурентам. Он поверил бумагам, а не ей. У неё остались часы, которые он забыл на её подоконнике, и фотография в телефоне, где его рука уже лежит на чужой спине. Кто-то очень хорошо всё придумал. И кто-то очень дорого за это заплатит. Потому что правда в этой истории есть.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Любовь Земная

За часами не возвращаются

Глава 1

Ли́ка остановилась у стеклянных дверей и ещё раз поправила воротник блузки. В отражении на неё смотрела молодая женщина тридцати четырёх лет.

За спиной шумела улица: гудели машины, кто-то на углу продавал кофе. Ли́ка переложила папку с документами из одной руки в другую. Ладони вспотели, и она вытерла их о юбку. Дрожь в пальцах она списывала на собеседование, хотя понимала, что дело в другом.

Здание было высоким, стеклянным, и в нём отражалось небо, а не улица. Этажей двадцать уходили вверх. У самой земли стёкла были тёмные, почти чёрные, а выше светлее, и в них по утрам вставало солнце, а вечером лежали длинные закатные полосы. Перед входом стояли четыре тонкие берёзы в гранитных кадках и клумба с белыми цветами. У турникетов скучал охранник в форме, на стекле у входа висела табличка с логотипом. Люди входили и выходили, у каждого в руке был кофе или телефон. На крыльце никто не задерживался.

Ли́ка подняла голову, посмотрела на верхние этажи и подумала, что за всю свою жизнь ни разу не была в таком здании.

В холле пахло свежим ремонтом и чужими духами. За стойкой девушка подняла голову, окинула её взглядом с ног до головы и улыbnулась так, как улыбаются людям, о которых ещё не решили, пускать их внутрь или нет.

— Ли́ка? Вам назначено на десять.

В лифте стена была зеркальная, Ли́ка посмотрела на себя ещё раз. Красивая, ей говорили это с восемнадцати лет, она давно принимала похвалу как факт, без радости. Светлые волосы до плеч, тонкие черты лица, серые глаза с мелкими крапинками вокруг зрачка. Фигура сохранилась, юбка сидела ровно, каблуки делали её выше и стройней. Только у глаз уже собирались тонкие морщинки и тушь подчёркивала их сильнее.

Она отвернулась от зеркала. В тридцать четыре года красота становится другой. Ли́ка привыкла, что мужчины смотрели на неё, женщины оценивали. Последний, ушёл несколько лет назад и оставил ей пустую квартиру и привычку не верить обещаниям.

Артём собирал вещи в субботу утром, спокойно. Складывал рубашки, бритву, зарядку от телефона. Ли́ка стояла в дверях спальни с остывшей чашкой в руках и смотрела, как пустеет его половина шкафа. Ей было двадцать девять.

— И это всё? — спросила она.

— А что ещё? — Он застегнул сумку и выпрямился. — Ли́ка, я не хочу скандала.

Скандал она не собиралась устраивать. Она ждала, что он подойдёт, обнимет и скажет, что пошутил. Он не подошёл.

Правда открылась позже, в переписке, оставленной на ноутбуке: полгода вранья, чужая женщина, общие планы на весну. Но хуже оказалось другое. Она любила его, любила тишину по вечерам, второе полотенце в ванной и то, как при нём становилось не страшно возвращаться домой. Он ушёл, и вместе с ним ушла уверенность, что кто-то ещё захочет остаться. Мечты рухнули так же, как и вера в мужчин.

Лифт остановился на седьмом этаже, двери разошлись с тихим шорохом. Ли́ка вышла в коридор, где пахло бумагой и принтерной краской, и на секунду задержалась у стеклянной перегородки. За ней ходили люди в рубашках, кто-то смеялся у кулера, на подоконнике сохла фиалка в пластиковом горшке.

По коридору она шла медленно, чтобы каблуки не стучали слишком громко. Папка с документами оттягивала руку. Ладони снова вспотели, и она вытерла их о юбку тем же коротким, почти незаметным движением. Нужная дверь оказалась в конце коридора, на ней табличка «Начальник отдела». Лика поправила волосы, вздохнула и постучала.

— Открыто, — сказали из-за двери. Голос был мужской, усталый и недовольный.

Она взялась за ручку и толкнула дверь.

Кабинет оказался маленьким, с одним окном во двор. За столом сидел мужчина лет пятидесяти, в очках на тонкой оправе. Перед ним лежали три папки, стакан с чаем и степлер.

— Садитесь, — сказал он, не поднимая головы. — Лика... а дальше?

Она назвала фамилию. Он нашёл в папке её резюме и провёл пальцем по строчкам.

— Восемь лет в оптовой фирме, — прочитал он вслух. — Почему ушли?

— Фирму закрыли. — Лика положила папку на колени и выпрямила спину. — Сократили весь отдел.

Он кивнул так, будто ждал другого ответа и не поверил. Спросил про налоги, про склад, про то, как она сходится с людьми. Она отвечала коротко, стараясь понравиться.

— Работа скучная, — сказал он, закрывая папку. — Отчёты, накладные, сверки. Красивой женщине обычно нужно другое.

— Мне нужна работа..

Мужчина усмехнулся, снял очки и протёр их платком.

— Оформляйтесь с понедельника. Документы в отдел кадров, на втором этаже.

В коридоре Лика придержала дверь и только там позволила себе выдохнуть. За стеклянной перегородкой всё так же смеялись у кулера.

На второй день Лика пришла за двадцать минут до начала рабочего дня. На ресепшене ей выдали пропуск на шнурке, и она долго не могла попасть им в турникет, пока охранник не показал, куда прикладывать.

Кабинет экономистов на седьмом этаже оказался просторным, с четырьмя столами у окна и пятым, свободным, в углу. За одним сидела полная девушка в очках, за другим девушка с кошкой на заставке монитора. Обе уставились на Лику, как на новую мебель, которую привезли без предупреждения.

— Меня Оля зовут. А это Света. — сказала полненькая.

Света подвинула ей стул и поставила чашку.

— Смотри, чтобы не путаться. Третий этаж — служба безопасности, туда ходишь только если пропуск потеряла. Четвёртый — бухгалтерия, они сами по себе. Пятый — архив, без надобности не суйся. Шестой — комната отдыха, диван, кофеварка, в обед все наши там.

— А мы на седьмом, — сказала Оля. — На девятый не ходи. Там приёмная и кабинет генерального, Ильи Владимировича.

Света почему-то поправила волосы и вздохнула.

— Молодой, красивый. Двадцать четыре. И ни разу не женат.

— А ты знаешь, чья это фирма? — Света под села ближе и подпёрла щеку рукой. — Его отец, Владимир Рокотов, в девяностых начинал с одной базы за городом. Там был склад и три грузовика. Потом он скупил соседние склады, потом завод, потом торговый центр. Поговаривают даже, что не всё законно. Теперь у них империя. Весной он отдал Илье Владимировичу часть бизнеса. Розницу и логистику, чтобы тот учился на чём-нибудь живом.

— И с тех пор наш генеральный подписывает бумаги. — Оля вздохнула. — Мне один договор вернулся с подписью и смайликом на полях.

— Зато подпись красивая.

Лика засмеялась. Девочки переглянулись и засмеялись тоже.

— Всё, — сказала Оля. — Работать.

Лика не помнила, когда в первый же день на новом месте ей было так легко.

День прошёл незаметно. Лика разбирала папки, сводила накладные и трижды переспрашивала у Оли, где лежат бланки. В обед они втроём спустились на шестой этаж, перекусили.

Когда Лика подняла голову от монитора, за окном уже стемнело, а часы показывали двадцать минут шестого.

— Всё, я домой, — сказала она.

Света махнула рукой. Оля пожелала спокойной ночи и попросила не опаздывать.

В лифте Лика смотрела на своё отражение и узнавала себя с трудом: уставшая, с растрёпанным хвостом.

На улице пахло мокрым асфальтом. Лика дошла до метро, всю дорогу держала пропуск в кармане, трогала его и радовалась, что наконец то она нашла работу.

Дверь она открыла ключом, который всё ещё заедал, и вошла в квартиру. Холодильник гудел на кухне, из комнаты падал свет, который она забыла выключить. Лика скинула туфли, стянула юбку и блузку, надела старую футболку, в которой спала, и собрала волосы наверх. Потом вымыла лицо холодной водой и посмотрела в зеркало: без косметики, с мокрыми ресницами, она выглядела на свои тридцать четыре.

Чайник закипел. Она налила чай, взяла чашку и забралась с ногами на подоконник, приоткрыв окно.

Летний дождь начался без предупреждения. Тёплый и крупный, он застучал по жестяным откосам, и на асфальте вскипели пузыри. Прохожие побежали под козырьки, кто-то положил сумку на голову и поскакал через лужу. Пахло мокрой пылью, липой и озоном.

Слеза покатилась по щеке. Лика сидела, прижавшись к холодному стеклу. Она вспомнила Артёма. Как он обещал, что они поедут к морю, как она полгода выбирала купальник, а он в это время выбирал другую. За пять лет после него было двое. Один с работы, другой с сайта знакомств. Все были нормальные, и все ушли. Дождь кончился к темноте. Лика слезла с подоконника, размяла затекшие ноги и поставила чашку в раковину. Завтра в восемь новый рабочий день.

Глава 2

Илья вошёл в лифт последним, нажал девятый и только тогда посмотрел на себя в зеркальную стену кабины. Двадцать четыре года, тёмные волосы коротко стрижены, на скулах двухдневная щетина. Чёрный костюм сшитый на заказ, рубашка без галстука, дорогие часы на левом запястье.

На четвёртом в лифт вошли две женщины из бухгалтерии. Они замолчали на полуслове, поздоровались и всю дорогу смотрели на табло с этажами, а одна всё-таки скосила глаза и тут же отвернулась. Илья сделал вид, что не заметил. Он привык к этому с восемнадцати лет.

Телефон в кармане дёрнулся дважды. Друзья писали про пятницу, клуб и чей-то день рождения. Мать прислала сообщение: «Не забудь, в воскресенье обед у нас». Он ответил коротко, что помнит.

Двери разошлись на девятом. Он вышел в коридор, где пахло бумагой и кофе, и пошёл мимо приёмной к своему кабинету, здороваясь на ходу.

Кабинет был большой, с дорогой мебелью, и отдельной комнатой с диваном. Окно во всю стену, тёмный стол, ноутбук. Илья сел в кресло, откинулся и минуту смотрел на город: крыши, антенны, река за домами, солнце в стекле соседней высотки.

Отец в мае сказал: «Покажи, что не зря». С тех пор эта фраза возвращалась к нему каждый раз, когда он открывал отчёты. В папке лежали своды за май. Он читал их медленно, вёл пальцем по строчкам и находил ошибки, которых до него никто не замечал.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Илья и выпрямился в кресле.

Вошёл начальник отдела финансов, мужчина лет пятидесяти в очках на тонкой оправе, с папкой под мышкой. Он поздоровался с порога и назвал Илью по имени и отчеству, хотя был старше его вдвое.

— Илья Владимирович, накладные за май. Подпишите, мы закрываем месяц.

Илья взял папку, подписывать сразу не стал. Пролистал до третьей страницы, нашёл строку, где сумма не сходилась с апрелем, и повернул лист к нему.

— А это что?

Мужчина поправил очки и помолчал.

— Опечатка. Исправим.

— Исправьте до обеда. И проверяйте сами, я не хочу пересчитывать за вами.

Он поставил подпись на остальных листах и вернул папку.

Мужчина забрал папку и пошёл к двери, но на полпути обернулся.

— У нас с понедельника новый экономист. Женщина, из оптовой фирмы, восемь лет стажа.

— И как она?

— Считает. — Начальник отдела пожал плечами. — Пока считает, а дальше видно будет.

— Пусть считает, — сказал Илья.

Дверь закрылась. Он остался один в большом кабинете, где гудел кондиционер и тихо тикали часы на стене. За окном по стеклу ползла длинная тень от облака, накрыла соседнюю высотку и ушла дальше, к реке.

Илья взял телефон, полистал переписку с друзьями.

До обеда он разобрал две папки, отклонил три договора и подписал один. Потом отставил ноутбук и понял, что цифры расплываются. Он редко ходил по этажам. Для этого были начальники, телефоны и почта. Но сегодня Илья встал, поправил пиджак и вышел в коридор, прошёл мимо приёмной, помощница подняла голову от монитора.

— Пойду пройдуся.

В лифте он нажал седьмой. Двери открылись. Илья вышел в коридор толкнул приоткрытую дверь кабинета экономистов.

Три женщины за столами подняли головы одновременно, будто по команде, и в комнате стало тихо. Полная достала очки, худая прикрыла монитор с кошкой.

— Илья Владимирович, — сказала полная. — Здравствуйте.

— Здравствуйте. Где у вас свод за май?

Папка нашлась на четвёртом столе, у окна. За ним сидела женщина, которая не обернулась сразу: светлые волосы падали на щёку, ручка ходила по бумаге. Она подняла глаза, только когда он остановился рядом. Она посмотрела на него без любопытства, к которому он привык.

— Свод у меня, — сказала она. — Ошибку уже исправили.

Илья не ответил. Он почему-то не сразу вспомнил, зачем пришёл.

— Ага, — сказал он наконец. — Покажите.

Она открыла папку на нужной странице и придвинула к краю стола, не вставая. Илья наклонился. Строка была исправлена, сумма сходилась с апрелем, рядом стояла пометка её почерком, мелким и ровным. Он посмотрел на неё внимательнее. Ближе было видно, что она старше остальных: морщинки у глаз, ни следа косметики на губах. Красота была, но дело было не в ней. В компании хватало женщин моложе и ярче, дочерей партнёров, моделей с чужих дней рождения, и все они смотрели на него одинаково: сначала на часы, потом на костюм, потом на лицо. Эта посмотрела так, будто он мешал ей считать.

— Хорошо, — сказал Илья. — Работайте.

Он вышел в коридор и только у лифта понял, что не спросил её имя. В кабинет он вернулся и первым делом открыл общую базу сотрудников. Триста сорок фамилий, должности, внутренние номера. Он нашёл её строку за минуту: экономист, принята в понедельник, стаж восемь лет.

Имя было короткое, из четырёх букв. Лика. Он закрыл файл и заставил себя взяться за договор. Прочитал страницу, не понял ни слова, начал заново.

К вечеру Илья поймал себя на том, что придумывает повод спуститься на седьмой. Повод нашёлся быстро: свод за июнь. Июнь ещё не сходиллся, значит, можно было прийти и спросить, как идут дела. Предлог был пустяковый.

В семь он закрыл ноутбук и вышел из кабинета. Лифт шёл вниз пустым. На седьмом двери открылись, но в коридоре было темно, горела одна лампа, и за поворотом кто-то гремел ведром.

На улице дул тёплый ветер, пахло бензином и мокрым асфальтом, у метро двое парней играли на гитаре. Телефон снова дёрнулся: друзья звали в пятницу в клуб, обещали столик у окна и «всех наших». Илья ответил, что приедет.

Дома он долго стоял под душем, потом лёг и понял, что не может уснуть. Мысли возвращались на седьмой этаж, к мелкому почерку на странице и к тому, как она подняла глаза.

Утром Илья собрался на работу быстрее обычно. К девяти он уже был в офисе. В приёмной помощница подняла на него глаза, но ничего не спросила. Свод за июнь, его должны были принести с седьмого этажа ещё вчера, и Илья имел полное право спуститься и спросить, где он.

Ждать он не стал. Взял папку, вышел в коридор и нажал кнопку лифта. В кабинете экономистов пахло кофе. Оля что-то печатала, Света подняла голову первой и толкнула локтем соседку. Лика сидела у окна и смотрела в монитор.

— Доброе утро, — сказал Илья. — Свод за июнь готов?

— Готов. — Она обернулась.

Илья подошёл к её столу. Свод лежал рядом с клавиатурой, аккуратно, в прозрачном файле. Она протянула его и не стала объяснять, почему не занесла раньше. Он открыл страницу и повернул папку так, чтобы ей было видно.

— Вот здесь расхождение с маем. По второй базе.

Ли́ка наклони́лась, прове́ла пальце́м по стро́ке и подня́ла глаза́.

— Вижу. Аренда склада, её провели дважды. Я исправлю. — Она помолчала. — Только это не мой участок.

— Знаю, — сказал он. — Поэтому исправьте вы.

За его спиной Света очень тихо сказала «ого», и Оля на неё шикнула.

В коридоре Илья поймал себя на том, что улыбается.

К обеду в кабинет пришёл начальник отдела финансов. На этот раз без папки, очки он держал в руке.

— Илья Владимирович, вы дали экономисту чужой участок.

— Дал.

— Так нельзя. У неё свой фронт работы, у бухгалтерии свой. Люди начнут обижаться, начнут перекладывать друг на друга.

Илья отложил ручку и посмотрел на него.

— У вас в своде два месяца подряд двойная аренда, а вы обсуждаете, кто обидится.

Мужчина открыл рот и закрыл.

— Пусть она и дальше проверяет, — сказал Илья. — И если найдёт что-нибудь ещё, пусть приходит ко мне напрямую.

— Напрямую, — повторил тот. — Хорошо.

Он вышел, аккуратно прикрыв дверь. Илья посмотрел на часы: до вечера оставалось четыре часа.

В пятницу он всё-таки поехал в клуб. Столик у окна, как обещали, лёд в бокалах, гул и мигающий свет. Друзья обсуждали чью-то свадьбу, потом чужую яхту, потом снова свадьбу.

— Ты сегодня тихий, — сказал один и толкнул его локтем. — Случилось что?

— Работа.

— Ага. — Друг усмехнулся.

Илья хотел ответить шуткой, но подходящей не нашлось. Он просидел ещё час, глядя, как на танцполе сменяются чужие лица, потом допил виски и уехал домой. Мысли всю дорогу были не о клубе.

Глава 3

В понедельник Лика пришла раньше всех. Она включила компьютер и успела свести две таблицы, прежде чем пришли Оля и Света.

— Ты знаешь, что про тебя в бухгалтерии говорят?

— Света поставила сумку на стол.

— Что тебя сам генеральный хвалил.

— Он приходил из-за свода. Там двойная аренда нашлась.

— Ага, из-за свода. — Оля сняла очки и протёрла их. — В девять утра. За два месяца ни разу не заходил, а тут пришёл.

— Ему делать нечего. — Лика сказала это резче, чем собиралась, и сама удивилась.

Оля и Света переглянулись и больше к этому не возвращались, но в бухгалтерии новость разошлась быстро: за день к ним заглянули дважды, сначала за бланком, потом просто так, и оба раза смотрели на Лику.

Ближе к обеду её вызвал начальник отдела. Он сидел без очков, тёр переносицу и говорил тихо, будто их могли услышать через дверь.

— Я вас не ругаю. Работа хорошая. Но есть порядок: сначала несёте мне, потом генеральному.

— Я сказала ему, что это не мой участок.

— И что?

— Он велел исправить.

Мужчина вздохнул.

— Илья Владимирович молодой, ему всё нужно быстро. А нам здесь ещё работать.

Лика вышла в коридор. Она постояла у окна в конце коридора. Смешного было мало: начальник отдела недоволен, бухгалтерия шушукается. В памяти всплыло его лицо, когда он наклонялся над папкой. Он был младше её на десять лет и вёл себя так, будто ему принадлежал весь мир. Лика одёрнула себя. Она хорошо знала, такая как она — не для него.

На обед она пошла пешком. Лестница была пустой, где-то ниже хлопнула дверь. На площадке между этажами кто-то стоял у окна и говорил по телефону.

— Я сказал: не подписывай, — услышала она и остановилась.

Илья стоял спиной к ней, пиджак висел на перилах, рубашка на спине натянулась на мышцах. Он обернулся и убрал телефон.

— О. Здравствуйте.

— Здравствуйте. Я на обед.

— По лестнице?

— Здесь быстрее.

Они пошли вниз вместе. Лестница была узкая, и он пропустил её вперёд, держась за перила.

— Как свод? — спросил он.

— Исправили. Сегодня отнесу вашему начальнику отдела.

— Не моему. Он и ваш тоже.

— Не совсем, — сказала Лика и прикусила язык.

Илья коротко засмеялся.

— Справедливо. А почему вы сразу не сказали про аренду?

— Сказала. Мне ответили, что это не мой участок.

Они дошли до шестого. Он открыл перед ней дверь, пахло кофе и бутербродами. — Меня зовут Илья, — сказал он вдруг. — Просто Илья. Без отчества.

— Знаю. Лика.

— И я знаю. Видел в базе.

Он пошёл к лифту, а она смотрела ему вслед, пока не закрылись двери. В комнате отдыха Оля уже разложила контейнеры, Света листала телефон.

— Двадцать минут на лестнице, — сказала она, не поднимая головы. — О чём? — О работе.

— Ага. — Оля пододвинула ей стул. — Про работу на лестницах не говорят. Про работу говорят в кабинете, сидя. Лика села и открыла контейнер.

Есть не хотелось. Она жевала и слушала, как девочки обсуждают чью-то свадьбу, и думала о том, что в тридцать четыре года надо быть осторожнее. В прошлый раз всё начиналось так же: разговоры, чужое внимание. А закончилось всё очень плохо.

Вечером, когда она уже собиралась уходить, в рабочем чате всплыло сообщение: «Лика, завтра в девять тридцать зайдите ко мне с июньским сводом. Илья». Она прочитала его трижды.

Дома она долго стояла перед шкафом, а утром надела ту блузку, которая шла ей больше остальных, и сразу же рассердилась на себя.

— Тебе тридцать четыре, — сказала она вслух в пустой квартире. — Он твой начальник.

В девять тридцать Лика стояла у двери на девятом этаже. Помощница за стойкой подняла глаза, будто ждала её, и кивнула на дверь.

Илья был не за столом, а у окна. Свод лежал на столе, рядом стояли две чашки.

— Садитесь, — сказал он. — Я прочитал свод. Всё сходится. Вы за неделю нашли то, чего отдел не замечал полгода.

— Там было видно.

— У вас восемь лет в одной фирме, — сказал Илья. — Почему вы ушли только когда её закрыли?

— Не люблю менять места.

— Совсем?

Она посмотрела на него и не ответила. Помолчала, потом сказала:

— Совсем.

Илья кивнул, будто получил важный ответ.

— А я люблю. Только мне не дают. У меня всё устроено до меня: дом, работа, воскресные обеды. Иногда хочется уехать туда, где меня никто не знает.

— У вас странные жалобы.

Он засмеялся так же коротко, как на лестнице.

— Знаю. Мне все так говорят.

— Я могу идти?

— Можете. Но завтра в это же время у меня будет июль. Приходите, если найдёте что сказать.

Она шла к двери и чувствовала, что он смотрит ей в спину. В коридоре она перевела дыхание. Так это и пошло. Каждое утро в девять тридцать она поднималась на девятый с папкой, и каждое утро на столе стояли две чашки.

Первые встречи длились десять минут. Потом пятнадцать. К концу июля они успевали обсудить свод, погоду, город, где она выросла, и бокс, на который он ходил по субботам. Илья расспрашивал, почему она за восемь лет ни разу не была в отпуске. Она ответила, что ей не с кем ехать, и тут же пожалела об этом.

— Опять на девятый? — спрашивала Оля, когда Лика возвращалась.

— Свод.

— У нас, между прочим, тоже есть чай.

В конце августа Лика поймала себя на том, что вечером думает, что наденет утром. Это испугало её сильнее всего. Не он сам, а то, что она снова замечала мелочи: как он держит

чашку, как шурится в монитор, какие у него руки. В ту ночь она достала старый ноутбук, где когда-то нашла чужую переписку. Всё давно закончилось, но она помнила каждую строчку.

Ноутбук Артём оставил. Он лежал на полке в спальне, закрытый, с наклейкой на крышке, и Лика как то его открыла почитать в интернете. Пароля не было. Мессенджер висел в свёрнутой вкладке. Она случайно нажала. «Солнышко, ты поел?», «я соскучилась», «в мае поедem к морю, я уже смотрела домик». Артём отвечал коротко и ласково, ставил сердечки, которых ей не ставил никогда, «Не сплю, думаю о тебе». Лика просидела над ноутбуком до рассвета. Она читала и перечитывала, будто в этих строчках могло найтись объяснение.

Утром она пришла в девять тридцать, положила папку на стол и осталась стоять.

— Что-то случилось? — спросил Илья.

— Случилось. Я больше не буду ходить на эти встречи. Своды может носить кто-нибудь другой.

Он медленно поставил чашку.

— Почему?

— Мне не нравится, что я жду этих разговоров.

Она сказала это и покраснела. Илья долго молчал. За окном шумел город, в кабинете тикали часы.

— Я не хочу, чтобы вы перестали приходить, — сказал он наконец.

— А я не хочу, чтобы это продолжалось. — Лика смотрела на папку, а не на него. — Мне тридцать четыре, вы мой начальник. И я не верю в такие истории.

— В какие?

— В хорошие.

Он встал и подошёл к окну, повернувшись к ней спиной.

— Хорошо. Тогда не приходите.

Она взяла папку и пошла к двери. Уже на пороге он окликнул её:

— Лика.

Она обернулась.

— Ничего. Идите.

В коридоре она стояла и слушала, как колотится сердце.

Неделя прошла тихо. Лика отправляла своды по почте, и Илья отвечал одним словом: «Спасибо». Никаких «зайдите», никаких двух чашек.

— Вы поссорились? — спросила Оля на третий день.

— Мы не ссорились. Мы работаем.

Она сама не заметила, как каждый вечер стала задерживаться допоздна в надежде увидеть Илью. В пятницу в кабинете осталась только она, за окном горели фонари. Дверь открылась без стука. На пороге стоял Илья с двумя бумажными стаканчиками, и на рубашке у него темнели следы дождя.

— У вас свет горел, — сказал он. — Я решил, что это знак.

Он поставил стаканчики на стол, снял мокрый пиджак и повесил его на спинку стула. Илья обошёл стол, Лика поднялась ему навстречу. Он взял её лицо в ладони. Она успела почувствовать запах дождя, а потом он наклонился и поцеловал её. Лика не отстранилась. Руки сами легли ему на рубашку, смяли ткань у груди, он поцеловал её сильнее. Она почувствовала щетину на подбородке и то, как он выдохнул ей в губы. Губы у него были тёплые и горьковатые от кофе. Ладонь сползла с её щеки на шею, легла на затылок, пальцы запутались в волосах и осторожно потянули, поворачивая голову. Лика услышала в тишине кабинета их дыхание и то, как срывается её собственный вдох.

Он прижал её к столу, край врезался ей в бедро. Она положила ладонь ему на грудь и сквозь рубашку почувствовала, как часто бьётся сердце. Так же часто, как у неё. Илья отпустил её волосы и провёл большим пальцем по нижней губе.

— Лика, — сказал он тихо, почти ей в рот.

В коридоре хлопнула дверь, и оба вздрогнули. Шаги прошли мимо, к лифту, и стихли. Лика отступила, поправила блузку и почему-то стала искать взглядом сумку, хотя та лежала на стуле.

— Мне пора.

— Лика.

— Пожалуйста. Не сегодня.

Он кивнул и отошёл к окну, давая ей пройти. Она сняла со спинки стула свой плащ, всё время чувствуя спиной его взгляд.

Лика вышла. В лифте она прижала пальцы к губам и держала так до первого этажа.

Дома она сняла блузку, повесила её на дверцу шкафа, натянула старую футболку и стёрла с лица косметику. Телефон пискнул, когда она уже собиралась ложиться спать.

«Здравствуй. Это Илья. Только не отвечай слушаю».

«Слушаю».

«Я так и знал».

Лика засмеялась в пустой кухне.

«Ты всегда так поздно пишешь подчинённым?»

«Нет. Впервые. Я вообще не умею это делать».

«Что делать?»

«Писать женщине, которая только что сбежала из кабинета»

«Ты ещё и смайлики ставь. Начальник».

«Я стараюсь».

Он спросил, что она ест. Она ответила, что творог. Он написал, что у него в холодильнике лёд, соус и полтора лимона.

«Вот и вся ваша империя».

«Приезжай, покажу тебе свою империю. У меня и кресло есть. Десять минут, и не по работе».

Она перечитала это четыре раза и ответила: «Спокойной ночи, Илья».

«Спокойной ночи, Лика. Даже если ты сейчас лежишь и улыбаешься в потолок».

Она лежала и улыбалась в потолок.

Глава 4

Со следующей недели сообщения шли с утра до ночи. В среду они гуляли по набережной, он держал её за руку, как школьник, всё время проверяя, не убирает ли она свою. В пятницу целовались в машине у её дома, и Лика смеялась, что в тридцать четыре года ведёт себя как в восемнадцать.

На работе всё оставалось по-прежнему. Только Света однажды сказала:

— Ты какая-то светящаяся.

— Крем новый.

— Ага. Крем, который пишет тебе без остановок.

В субботу он заехал за ней в семь на черной, дорогой машине. Лика надела платье, в котором не пошла бы на работу, и всю дорогу боялась, что машина свернёт к ресторану с белыми скатертями, где официанты разговаривают шёпотом.

Машина свернула к чебуречной на углу, где стояли пластиковые стулья и пахло жареным маслом.

— Извини, — сказал Илья. — Я гуглил «где вкусно и недорого». Ты не против?

— Я в восторге.

Они взяли по два чебурека и компот в стаканах. Илья долго изучал меню, потом спросил у женщины за стойкой, что она посоветует, та окинула дорогой костюм взглядом и посоветовала ему не брать третий. Третий он всё равно взял.

Он обжигался, вытирал руки салфеткой и рассказывал о себе: оказалось, отец отдал его в бокс лет в девять, чтобы сын «научился получать по лицу».

— Помогло?

— Не очень. Но бить умею.

Под столом ходил тощий кот, и Илья тайком скормил ему половину чебурека.

Потом они гуляли до темноты, у её подъезда он не стал прощаться, они стояли и целовались как подростки.

Лифт в её доме не работал, они поднимались пешком, останавливаясь на каждом этаже, чтобы поцеловаться. На четвёртом Илья прижал её к перилам, Лика услышала, как внизу хлопнула чья-то дверь. Она открыла дверь, включила свет в прихожей.

Илья притянул Лику к себе. Молния на её платье разошлась под его пальцами с тихим звуком, платье легло на пол у ног. Она почувствовала ладонь у себя на спине, потом на талии, и холодную пряжку его ремня сквозь тонкую ткань белья.

Они добрались до спальни, Илья положил её на кровать, целовал в шею, ключицы, грудь, она чувствовала щетину, шершавую и тёплую. Он опустился ниже, целуя её живот, и она выгнулась, вцепившись ему в волосы. Дыхание сбилось, комната поплыла, и Лика услышала собственный стон.

— Тише, — прошептал он, поднимаясь к её губам. — Соседи.

Она засмеялась, и смех перешёл в поцелуй. Он вошёл медленно, будто боялся сделать больно, и остановился, давая ей привыкнуть. Лика обхватила его ногами и притянула ближе. Мир сузился до его тела, до ритма, до ладоней на её бёдрах. Он подхватил её под колени и притянул выше, вошёл глубже. Ритм стал жёстче. Она вцепилась ему в спину, провела ногтями по лопаткам. Илья вышел, перевернул её на живот, приподнял за бёдра и вошёл снова, одной рукой держа её поперёк живота, а другой собрав волосы у затылка. Лика уткнулась лицом в подушку. Она почувствовала его губы между лопаток, его вес на себе, толчки, шлепки кожи о кожу, и свой собственный голос, повторяющий что-то бессмысленное.

Он потянул её вверх и прижал к груди, продолжая двигаться. Его рука легла ей на грудь, вторая скользнула ниже, вниз живота, и пальцы заскользили между ног. Он ускорился. Лика

вскрикнула, выгнулась и услышала, как он застонал у неё за спиной. Потом оба повалились на кровать.

Они лежали, мокрые от пота и глубоко дыша. Потом Илья натянул на них одеяло и сказал, что умирает от жажды. Было слышно, как на кухне открылся кран, как звякнула чашка. Лика смотрела в темноту и ждала, что сейчас он наверно оденется и уедет.

Он вернулся с двумя стаканами воды и лёг обратно.

— Ты чего? — спросил он. — У тебя лицо человека, который собирается меня выгнать.

— Я думала, ты поедешь, не захочешь остаться.

— В три ночи? — Он отпил и передал стакан ей. — Я, может, вообще тут жить буду.

На тумбочке загорелся его телефон. На экране было «Мама». Илья посмотрел на него и сбросил звонок.

— Позже, — сказал он и положил трубку экраном вниз.

Лика проснулась оттого, что в комнате было слишком светло. Илья спал на животе, уткнувшись лицом в подушку, и дышал тихо, как кот.

Она смотрела на его спину с полосами от простыни и думала, что надо бы приготовить завтрак, и что завтрак — это уже вообще-то слишком.

Он проснулся, когда она гремела чашками на кухне.

— Ты чего встала? — спросил он из комнаты хриплым и совершенно домашним голосом.

— Кофе варю.

— Который час?

— Половина двенадцатого.

Илья появился в дверях в одних трусах, лохматый, с красной полосой на щеке, и Лика поняла, что пропала.

— У тебя есть что-нибудь поесть? Кроме творога.

— Сыр есть.

— Богато живём.

Он уехал в три, забыв на подоконнике часы.

Часы были тяжёлые, дорогие. Лика повертела их в руках, потом сфотографировала и отправила: «Ты забыл».

Ответ пришёл через минуту: «Мне нравится, что у меня есть повод вернуться».

Она положила часы на тумбочку у кровати, и весь вечер ловила себя на том, что постоянно бросает туда взгляд.

В понедельник Илья пришёл на седьмой этаж с бумагами, будто по делу, и, проходя мимо её стола, спросил тихо:

— Ну как, тикают?

— Мешают спать.

— Отлично.

Он ушёл, а Света долго смотрела ему вслед.

В обед Света дождалась, пока Оля выйдет, и под села ближе.

— Лика. Я не лезу не в своё дело. Но мы с тобой обе взрослые. Скажи, что это не то, что я думаю.

— А что ты думаешь?

— Что ты в него влюбилась, — сказала Света тихо.

Лика помешала чай, хотя он был без сахара.

— Допустим.

— Ему двадцать четыре. Он сын хозяина. Ты не представляешь, сколько девочек здесь мечтало, чтобы он хотя бы запомнил их имя.

— Представляю.

— Тогда не плачь потом у меня на кухне.

— Света.

— Я говорю как подруга. Хочешь — не слушай. — Она встала. — Просто ты у нас хорошая.

Она пошла за Олей, а Лика осталась сидеть над остывшим чаем.

Вечером она вернулась домой и впервые за долгое время заметила, как у неё тихо. На тумбочке лежали его часы.

Лика взяла их, надела на руку и застегнула ремешок. Часы были ей велики, болтались на запястье.

Она поставила чайник, достала творог и ела, не снимая чужих часов.

Телефон пикнул: «Ты дома?»

«Дома».

«А часы?»

«На мне».

Он не ответил сразу. Потом пришло: «Тогда я заеду. За часами».

«Заезжай», — написала она.

Он приехал в начале одиннадцатого.

Они пили чай на подоконнике, и он рассказывал про семейный обед: как отец полтора часа говорил о складе, как мать жаловалась на новую кухарку.

— А потом она спросила, когда я женюсь.

— И что ты ответил?

— Что женюсь, когда найду женщину, которая не спросит, сколько стоит моя машина.

Лика усмехнулась.

— А отец?

— А отец сказал, что у него есть на примете дочь партнёра. Двадцать два года, институт, скрипка.

— Скрипка — это серьёзно.

— Вот и я сказал, что серьёзно.

Он поставил чашку и посмотрел на неё уже без улыбки. Илья приподнял её и усадил на подоконник, расстегнул ремень, припустил брюки и придвинулся вплотную, Лика обхватила его ногами.

Он целовал её шею, стянул с неё футболку через голову. Напротив, через двор, светился телевизором чужой балкон, и от мысли, что их могут увидеть, у неё внутри становилось жарче. Он вошёл, она подалась назад, к самому стеклу, лопатками чувствуя холод. Ритм был неровный, торопливый. Она держалась за его плечи, слышала, как дребезжит чашка на подоконнике.

Жар поднимался из живота, стягивался в одну точку. Лика вцепилась ему в плечи, уткнулась лицом в шею, чтобы не закричать на весь дом, и волна накрыла её, длинная, судорожная, сжавшая всё внутри.

Илья застонал сквозь зубы. Она почувствовала, как напряглось всё его тело, как дёрнулись бёдра и как пальцы впились ей в бока. Он толкнулся ещё раз, глубоко, и застонал, прижавшись лбом к её плечу. Он поднял голову, посмотрел на неё мутными глазами и поцеловал в нос.

Глава 5

Кабинет у Стаса Решетова был на восемнадцатом этаже. Он сидел не за столом, а на кожаном диване, расставив колени и положив на них тяжёлые руки. Костюм на нём был дорогой и всё равно тесный в плечах.

Костя, его помощник и правая рука вошёл без стука, с папкой, и положил на стол перед ним несколько листов.

— Посмотри.

С фотографий смотрела пара: высокий парень в чёрной рубашке выходил из машины и подавал руку женщине. Светлые волосы, тёмная юбка, каблук. Другая фотография: они у подъезда, она смеётся, он держит её за руки.

— Это кто? — спросил Стас.

— Экономист у него. Лика. Тридцать четыре года, пришла из закрытой фирмы, живёт в панельной девятиэтажке. Бедная стареющая женщина. Одинокaя.

— И что?

— А то, что он даёт ей своды. Она видит всё, что у них в рознице.

Стас долго смотрел на фотографию.

— Мне не нужна женщина, — сказал он. — Мне нужен его отец.

— Вот через неё и возьмём. — Костя подался вперёд. — Утечка, документы, конкурент. Семья решит, что сын держит в офисе любовницу, а она сдала его нам. Пока отец разбирается, мы закрываем их склады.

— А женщина?

— А что женщина. Её все сдадут первыми.

— Только не спеши, — сказал Стас.

Костя кивнул и достал ещё один лист: копию трудового договора, дату приёма, оклад.

— У неё за спиной ничего. Ни мужа, ни детей. Такие держатся за работу.

— Вот и предложим ей работу подороже.

— А если откажется?

Стас усмехнулся и поднялся с дивана.

— А это не имеет значения. Начнём с её почты. Отправленные письма, вложения, даты. Мне не надо, чтобы она была виновата. Мне надо, чтобы все так думали.

Костя собрал фотографии со стола. Одну Стас оставил и придавил пепельницей.

— У меня есть одна девочка знакомая, — сказал он.

Костя поднял голову.

— Ты про кого?

— Про Катю. Дочь его партнёра. Она в него влюблена давно, а он на неё даже не смотрит. Родители уже почти сосватали.

— И что это даёт?

— Всё. Девочка из хорошей семьи, отец в деле. Ей достаточно захотеть, и она войдёт в его офис под любым предлогом. А её никто не проверяет.

Костя помолчал.

— Ты хочешь, чтобы она передала нам то, что видит экономистка?

— Я хочу, чтобы она помогла. А как, она сама придумает. Влюблённые женщины изобретательнее моих юристов.

В тот же вечер Лика варила макароны и слушала, как Илья в комнате ругается с кем-то по телефону. Из трубки доносился мужской голос, ровный и тяжёлый.

— Отец? — спросила она, когда он вышел на кухню.

— Он самый.

— Что хотел?

— Чтобы я в пятницу был на ужине. Приедет партнёр со своей семьёй. — Илья вытащил из кастрюли макаронину и обжёгся. — И чтобы пришёл один.

Лика помешала макароны.

— А ты что ответил?

— Что подумаю.

Она выключила плиту и повернулась к нему.

— О чём тут думать? Это ведь семья.

— Хочешь, пойдём вместе? — спросил он вдруг.

— Ты же слышал, что сказал отец.

— Я слышал. Я спрашиваю, чего хочешь ты.

Лика выложила макароны в тарелку, поставила перед ним и села напротив, не притрагиваясь к своей.

— Я хочу, чтобы ты не ссорился с семьёй из-за меня.

Илья долго смотрел на неё, потом взял вилку и стал есть. Она смотрела, как двигаются его плечи, и думала, что за такие плечи, наверное, и правда стоит поссориться с целым миром.

— Ладно, — сказал он с набитым ртом. — Поеду один. Но в пятницу в одиннадцать я буду у тебя.

— Ешь, остынет.

Дом отца находился за городом, за высоким кирпичным забором. У ворот дежурили два охранника, на гравии выстроились машины, чёрные и длинные, вымытые до блеска.

В зале накрыли стол: белая скатерть, хрусталь, тонкие свечи, ветки гортензии в вазах. Женщины ходили по ковру в длинных платьях, мужчины стояли группами с бокалами и говорили о том, чей склад удобнее.

Мать вышла навстречу в тёмно-синем шёлке, оглядела сына с ног до головы и поцеловала в щёку.

Отец, большой и седой, стоял у камина и на сына не смотрел. Зато смотрел его партнёр, невысокий сухой мужчина в очках. Рядом с ним, чуть позади, держалась девушка в зелёном платье.

За столом её посадили напротив Ильи, мать сама подвинула стул.

— Наконец хоть пообщаетесь — сказала она.

За столом говорили о делах: о ценах на аренду, о новом складе, о том, кто первым успел выкупить землю. Девушку звали Катя, ела она мало, а вилку держала так красиво, будто ей за это ставили оценку. Илья отвечал односложно и дважды посмотрел на часы.

В кармане дёрнулся телефон. Лика: «Как ужин?»

Он опустил руку под скатерть и написал: «Скучно. Спасай».

— Тебе не интересно? — спросила Катя, глядя прямо на него.

— Наоборот, — соврал он. — Весь внимание.

После десерта Илья вышел на террасу. Ночь стояла тёплая, пахло газонной травой и розами.

Дверь за спиной открылась, и на плитку легла тень.

— Здесь красиво, — сказала Катя и встала рядом, у перил.

Она принесла ему бокал, хотя свой он оставил на столе.

— Ты, говорят, боксом занимаешься?

— Занимался.

— А сейчас?

— Работаю.

Она засмеялась так, будто он удачно пошутил, и коснулась его рукава. Потом достала телефон и попросила номер. Он продиктовал рабочий.

Они вернулись в зал вместе, мать встретила их у двери с бокалом в руке.

— Уже уединяетесь, голубки? — спросила она с улыбкой.

— Мы дышали воздухом.

— Конечно. У нас на террасе лучший воздух в области.

Катя засмеялась, а мать положила ладонь ей на локоть.

— Катя, милая, расскажите ему потом, как вы играете. Он у нас глухой к музыке, но сердце у него есть.

Илья посмотрел на мать.

— Мне пора.

— В одиннадцать? — Она подняла бровь. — Кто тебя ждёт в одиннадцать?

— Работа.

Он попрощался и пошёл к выходу, слыша, как за его спиной уже ведётся разговор о нём.

В машине Илья первым делом написал Лике: «Выехал».

Он приехал в начале двенадцатого.

Лика села на диван и обняла колени.

— Как ужин?

— Скучно, — сказал он и посмотрел на неё. — Я весь вечер думал, как оттуда уехать.

Потом он лёг головой ей на колени, она гладила его волосы, а он говорил, что хочет познакомиться её с родителями. Лика ничего не ответила.

— Ты боишься, — сказал он.

— Боюсь.

— Чего?

— Что они запретят тебе встречаться со мной.

Илья повернул голову и посмотрел на неё снизу вверх.

— Почему?

— Мне тридцать четыре года, я на десять лет тебя старше, Илья. У меня не богатые родители, у них нет бизнеса, я совсем не подхожу тебе.

— А я вижу самую красивую женщину на свете.

Лика хотела ответить шуткой и не смогла. В его словах не было ни вызова, ни усмешки. Он просто лежал, смотрел на неё снизу вверх и говорил то, что думал.

— Ты сейчас скажешь что-нибудь взрослое, — предупредил он. — Про то, что красота проходит...

— Не скажу.

— Хорошо.

— Я не знаю, что с нами будет. Ты слишком молод, чтобы понимать, о чём вообще речь.

— Мне двадцать четыре, а не двенадцать.

— Вот именно.

Лика наклонилась и поцеловала его. Илья обхватил её за талию, притянул к себе и перекатился. Теперь она лежала на спине, а он сверху, тяжёлый и горячий. Илья приподнялся, стянул с неё футболку. Он поцеловал её в живот, спустился ниже, потянул резинку трусиков зубами, стянул вниз.

— Не надо, — прошептала она. — Я не...

— Тихо.

Он поцеловал её в колено, потом в бедро, ближе к середине, его губы впились в неё. Язык прошёл медленно, снизу вверх, и она дёрнулась, вцепившись в подушку. Он не спешил. Держал её за бедра, не давая отстраниться, возвращался снова и снова, то едва касаясь, по покусывая зубами. Лика закинула ногу ему на плечо.

— Илья, — сказала она, — я сейчас...

Илья отстранился, подтянулся выше и вошёл в неё. Он двигался глубоко, с каждым толчком увеличивая темп. Он подхватил её под поясницу и приподнял. Она вцепилась ему в плечи, потом в спинку дивана, потом снова в плечи. Волна поднялась изнутри, сжала и отпустила. Лица выгнулась, закричала, услышала, как Илья застонал. Он толкнулся ещё дважды, замер и обмяк, уткнувшись лбом ей в шею.

Глава 6

Неделя прошла спокойно. Лика с Ильёй виделись почти каждый день, утром она поднималась на девятый с папкой, а свободными вечерами встречались у Лики.

В четверг на рабочую почту пришло письмо. Адрес был странный, из букв и цифр, тема пустая, внутри одна строчка и вложение: таблица на восемь листов.

Она открыла. Столбцы, артикулы, цены. Внизу кто-то приписал: «Это то, о чём мы говорили. Жду до пятницы».

Лика полистала, ничего не поняла и решила, что ошиблись адресом. Такие письма приходили и раньше: чужие счета, реклама, чей-то договор. Она нажала «удалить» и вернулась к своду за август.

В половине двенадцатого, выходя из кабинета Ильи, она в дверях столкнулась с Катей. Та стояла в коротком платье цвета топлёного молока, на шпильках.

— Ой, — сказала Катя и улыбнулась. — Извините.

Она оглядела Лику сверху вниз, вежливо и быстро, будто проверяла цену.

— Илья Владимирович у себя?

Дверь за ней закрылась. Лика постояла в коридоре, чувствуя, как в воздухе остался запах чужих духов.

В кабинет Лика зашла задумчивая. Оля сняла очки.

— Ты чего такая?

— Ничего.

Света переглянулась с ней, но промолчала. Лика весь день не могла смотреть на таблицы: строчки плыли. Вечером она спросила Илью про Катю. Он ответил, что та привозила бумаги отца.

Квартира Ильи находилась в элитном доме, который стоял на набережной, за стеклянным лобби с двумя консьержами и лифтом, дверь которого открывался прямо в квартиру. Илья вошёл, свет загорелся сам, полосами вдоль потолка. Панорамные окна от пола до потолка, кухня-остров из серого камня, диван. За стеклом горел город: мосты, огни, чёрная вода в бликах.

Всё было убрано до блеска. На стене висела огромная абстракция, которую он так и не научился понимать, в углу стояла ваза, в которой никогда не было цветов, а кофейный аппарат стоил дороже, чем машина у половины его сотрудников.

Он открыл холодильник: лёд, соус и полтора лимона.

Ключи звякнули в чаше у двери, и звук пошёл по коридору, отскакивая от стен.

Илья прошёл по квартире. Спальня, кабинет, вторая спальня, в которой стояла беговая дорожка. В душе он долго стоял под горячей водой, потом вытерся и лёг на кровать, слишком широкую для одного. Телефон лежал рядом. Лика прислала фотографию: её окно, за стеклом дождь, на подоконнике две чашки, одна пустая.

«Вторая для тебя», — написала она.

Илья смотрел на эту фотографию. Потом встал, оделся, взял ключи и вышел, не застёгивая куртку. Ночью город был почти пустым. Он ехал по набережной, потом свернул в переулки, где стояли панельные девятиэтажки, и остановился у её подъезда, под фонарём.

Он нажал кнопку домофона. Ответили не сразу.

— Кто?

— Это я.

Щёлкнуло. В подъезде пахло сыростью, на втором этаже громко работал телевизор. Лика ждала на площадке в футболке, с собранными волосами.

— Ты с ума сошёл.

— Возможно.

Она пропустила его внутрь. Илья развернулся к Лике и набросился на неё. Он прижал её к стене в прихожей, подхватил её под бёдра и приподнял, ей пришлось обхватить его ногами.

— Илья...

— Молчи.

Он целовал её в шею, в плечо, сдвигал футболку вверх, ладони уже были у неё на бёдрах. Лика услышала, как звякнул его ремень, как поехала молния. Он спустил штаны вместе с трусами, вошёл так, что она затылком стукнулась о стену. Илья входил с ней ритмично вбиваясь. Её спина скользила по стене вверх и вниз. Лике было не за что держаться, кроме его спины, она вцепилась в неё обеими руками, чувствуя, как под ладонями ходят мышцы.

Он прижался лбом к её лбу, она смотрела в его глаза. Толчки стали короче, он подкидывал её на себе, её грудь подпрыгивала в такт. Лика почувствовала, как всё стянулось вниз, и закусил губу до боли.

— Илья, я сейчас...

Он кивнул, не сбавляя темпа. Волна накрыла её, она выгнулась в его руках, а он ещё держал её, ещё несколько движений, потом застонал и прижал к себе.

— Я тебя люблю, — сказал он вдруг, глухо, ей в горло.

Лика замерла.

— Что?

— Я люблю тебя. — Он не остановился. — Я тебя люблю, слышишь?

У Лики перехватило дыхание.

— И я люблю тебя, Илья.

В воскресенье он приехал к родителям. В столовой уже пахло жарким, на столе стоял хрусталь, и Катя сидела справа от его прибора. Мать постаралась.

Сегодня Катя была в голубом, с высокой причёской, сразу взялась за него: налила воды, подвинула салат, спросила, не хочет ли он ещё хлеба. Отец говорил о складе, партнёр кивал и поддакивал, Илья ел молча и отвечал невпопад.

После десерта мать поставила чашку и сказала:

— Кстати. Мы решили, что Катя поедет с тобой в Тверь. Ей полезно, а тебе не так скучно. Илья медленно отодвинул тарелку.

— Нет, — сказал он.

За столом стало тихо.

— Что значит «нет»? — Мать улыбнулась, будто он пошутил.

— То и значит. В Тверь я поеду один. Или с финансистом, если понадобится.

— Но Катя уже всё узнала. Она готовилась.

Катя опустила глаза и принялась аккуратно складывать салфетку. Отцу это не понравилось: он поставил бокал так, что вино качнулось.

— Илья, — сказал он. — Катя едет с тобой, она едет как представитель своего отца.

Илья встал, положил салфетку на стол попрощался и уехал.

В понедельник на почте висело новое письмо. Адрес другой, буквы снова бессмысленные, вложение на двенадцать листов и одна строчка: «Мне нужно до среды».

Лика открыла, увидела те же артикулы и те же цифры и закрыла.

— Опять, — сказала она вслух и нажала «удалить».

— Что опять? — спросила Оля.

— Пишут какие-то люди с таблицами. Явно не мне.

Света подняла голову. — Мне год пишут, что мой ноутбук заблокирован.

— А мой, — сказала Оля, — уже третий раз выиграл машину. Я даже марку знаю.

— Какую?

— «Ладу». Всегда «Ладу». Я бы «Ладу» взяла.

Девочки засмеялись.

В обед она поднялась на девятый, отнести свод, который Илья просил лично. Он ждал у двери и не дал ей ничего сказать: притянул за руку, закрыл дверь и поцеловал, прижав к стене у шкафа.

— Сюда могут войти.

— Пусть, — сказал он и поцеловал её ещё раз.

Поцелуй был короткий, но его хватило, чтобы у неё подкосились ноги.

В дверь постучали, помощница принесла бумаги на подпись, и Лика выскользнула мимо неё в коридор.

— Добрый день, — сказала помощница, глядя ей вслед.

— Добрый.

Лика пошла к лифту, чувствуя, как горят губы.

В кабинете было пусто: девочки ещё не вернулись с обеда.

Лика присела на край своего стула и развернулась к окну, где над крышами висело голубое небо.

Ей было тридцать четыре, кредит за холодильник и работа мечты. Она сидела и не могла перестать улыбаться.

Телефон дёрнулся в кармане: «Ты дошла?»

«Дошла».

«Хорошо.».

Она посмотрела в тёмный экран и увидела своё отражение: растрёпанные волосы, блеск на губах и совершенно глупое лицо. Лика вытерла губы тыльной стороной ладони и продолжала улыбаться.

Дверь открылась, в кабинет вошли Оля со Светой, обе с пакетами и запахом пирожков.

— Ты чего сияешь? — спросила Оля с порога.

— Ничего.

— Ага. — Света поставила пакет на стол и прищурилась. — У тебя лицо человека, который сдал отчёт и его похвалили.

— Меня и похвалили.

— Кто?

— Начальник отдела.

— Начальник отдела так не хвалит. — Оля покачала головой. — Он хвалит так, что потом три дня хочется уволиться.

Света села напротив и положила подбородок на ладонь.

— Девочки, у нас проблема. Наша Лика прибрала к рукам богатого наследника. Что нам теперь, кланяться?

— Кланяйтесь.

— И премию просить?

— И премию.

Оля засмеялась и достала из пакета пирожок.

— Ладно. Только не забудь, что мы тебя знали, когда ты тут бланки искала.

Лика засмеялась и пообещала:

— Не забуду.

Она доела пирожок, вернулась к августовскому своду, и день пошёл обычным порядком: накладные, сверки, звонок из бухгалтерии.

Вечером, когда она вышла из офиса, зазвонил телефон. Номер был незнакомый, городской.

Голос мужской, спокойный, без имени и без представления. — Вы получили таблицы?

Она остановилась на переходе.

— Какие таблицы? Вы ошиблись номером.
Ли́ка сбросила вызов и пошла дальше.

Глава 7

Кабинет Владимира Рокотова был обставлен с роскошью: тяжёлый стол, кожаные кресла, тёмный паркет и картина на стене.

Начальник коммерческого отдела сидел напротив с планшетом и распечатками.

— До аукциона два часа. Заявку мы подали по нижней границе. Решетов, судя по всему, даст меньше.

— Насколько меньше?

— Если он хочет увести у нас землю, пойдёт в минус. Запаса ему хватит на год, не больше.

Владимир постучал пальцем по столу.

— Мы можем добавить?

— Можем. Но тогда маржа станет такой, что склад окупится к пенсии вашего внука.

— У меня нет внука.

— Пока нет.

Владимир посмотрел на него и не улыбнулся.

— Что ещё?

— Решетов звонил. Предлагал договориться по-хорошему: он забирает землю, мы — их логистику в области.

— А по-плохому?

— По-плохому обещал, что нам будет неприятно.

Владимир снял очки и потёр переносицу.

— Сын в курсе?

— Илье Владимировичу я отправил цифры утром.

Владимир встал и подошёл к окну.

— Ты сказал Решетову, что мы подумаем?

— Сказал, что ответим после аукциона.

— Вот и ответим. — Он повернулся. — Готовьте бумаги, добавим семь процентов. Если он пойдёт ниже, пусть забирает землю и сидит на ней без денег.

— Семь процентов — это много.

— Это дешевле, чем потом объяснять партнёрам, что нас объехали.

Начальник отдела кивнул и стал собирать распечатки.

— И ещё, — сказал Владимир. — Позвоните Илье. Пусть будет на аукционе.

— Он вряд ли успеет.

— Пусть успеет. Это его склад.

Когда дверь закрылась, Владимир набрал сына сам. Тот ответил не сразу.

— Ты где?

— Почти на месте.

— Хорошо.

Аукцион шёл в зале на втором этаже администрации: длинный стол, комиссия в пиджаках, флаг в углу и графин с водой, который никто не трогал.

Женщина из комиссии, в сером костюме, развернула на столе папку с подшитыми листами. Бумага шелестела громко, в зале было тихо.

— Протокол номер сорок один, — сказала она ровно, как читают на собраниях. — По результатам открытого аукциона на право аренды земельного участка...

Она назвала адрес, площадь и цифру. Цифра была на шесть процентов ниже той, что обсуждали утром.

— Победителем признана компания Решетова.

В зале захлопали. Негромко, для порядка.

Владимир сидел не двигаясь. Потом сложил папку, застегнул её на кнопку и встал.

— Пойдём.

В офис Илья вернулся к трём. На девятом было тихо, помощница подняла голову, поздоровалась, взглянув на его лицо, больше ничего не спросила.

Он сел в кресло, не снимая пиджака, и долго смотрел на свод за август, открытый на середине.

Через десять минут дверь открылась без стука. Начальник службы безопасности, плотный мужчина с короткой стрижкой, вошёл и прикрыл за собой дверь.

— Илья Владимирович.

— Что?

— Наш программист кое-что нашёл. — Он положил на стол распечатку. — В пятницу вечером из корпоративной сети ушёл файл. Двенадцать листов, складские артикулы и цены.

Илья поднял глаза.

— Куда ушёл?

— На внешнюю почту.

— Кто?

— Пока не скажу точно.

Илья медленно откинулся в кресле.

— Ищите всё, что можно. С докладом ко мне. Лично.

— Понял.

Телефон на столе загорелся: «Ты вернулся? Как прошло?»

Илья смотрел на сообщение и не отвечал. Через двадцать минут он всё-таки написал: «Много работы. Сегодня не приеду».

Ответ пришёл сразу: «Хорошо».

Он просидел в кабинете до девяти. За окном стемнело, город зажёгся, помощница ушла, пожелав доброй ночи.

В половине десятого зашёл Начальник службы безопасности с папкой.

— Есть время входа, — сказал он. — Пятница, девятнадцать сорок две. Учётная запись нового экономиста.

Безопасник положил папку на стол и раскрыл её.

— Логи. В пятницу в девятнадцать сорок один и в девятнадцать пятьдесят два с её рабочего ящика ушли два письма на внешний адрес. Вложения — двенадцать листов. Те же артикулы, что в своде за август.

Он перевернул лист.

— Дальше. В её почте восстановлены два входящих. Те самые таблицы, которые она удаляла. Текст: «Это то, о чём мы говорили. Жду до среды». И второе: «Мне нужно до среды».

Он достал распечатку с видеокадрами: коридор седьмого этажа, размытая фигура в светлом плаще, светлые волосы, лица не видно.

— Пятница, девятнадцать двадцать восемь. Охранник на входе говорит, что пропуск не прикладывали, он открыл сам.

— Кому ушло? — спросил Илья.

— Адрес зарегистрирован на компанию Решетова.

Илья долго молчал.

— Идите, — сказал он.

Дверь закрылась. Илья посидел ещё немного, потом открыл нижний ящик стола, где стояла бутылка, достал стакан.

Налил на два пальца, выпил, не поморщившись, и налил снова. Сидя на диване в своём кабинете, с видом на ночной город, он впервые за два месяца увидел всё это со стороны. Он

дал ей доступ ко всему. Оставлял её одну в кабинете. Говорил отцу, что разберётся сам, а сам подписывал бумаги, не читая.

«Мне не с кем ехать», — сказала она тогда на подоконнике, и у него сжалось горло. Он вспомнил, как она плакала о том, что её предали. Как рассказывала про ноутбук.

Стакан опустел. Он налил второй, третий.

— Значит это всё игра? — спросил он вслух.

Он поставил стакан и посмотрел на свои руки.

Обычные руки: широкая ладонь, мозоль от турника, тонкий шрам на большом пальце. Этими руками он держал её лицо. Этими руками гладил её спину, шею, волосы, пока она спала на кровати. Он думал тогда, что ничего красивее в жизни не видел.

Илья сжал кулаки и разжал.

Сколько раз она смотрела ему в глаза? Сколько раз говорила, что любит? Сколько раз говорила, что без веры нет будущего. И ни разу не дрогнула.

Рука дрожала теперь у него.

— Сучка, — сказал он тихо. — Какая же сучка.

В комнате никто не ответил.

Утром Лика шла от метро быстрым шагом, в сумке позвякивали ключи.

Она поймала себя на том, что улыбается без причины. Она была счастлива. За столько лет, по настоящему счастлива.

На проходной она приложила пропуск к турникету. Красная лампочка, короткий писк, створки не двинулись. Она приложила снова — то же самое.

— Странно, — сказала она вслух.

Охранник за стеклом поднял голову, как то странно посмотрел на неё, пролистал что-то на экране и нажал кнопку. Турникет щёлкнул.

— Проходите.

— А что с пропуском?

— Разберутся.

Она поднялась на седьмой. Света с Ольгой что то рассматривали в телефоне и посмеивались.

— Доброе утро, — сказала Лика и села за свой стол.

— О, — Света подняла голову. — Ты смотрела вчера фильм?

— Смотрела.

— И как?

— Уснула на середине. Там мужчина в наушниках ходит по полю и ничего не говорит.

— Это не мужчина, — сказала Оля. — Это пришелец. Там все пришельцы.

— Тогда почему они такие тихие?

— Потому что у них слух. — Света положила телефон на стол. — Весь смысл в том, что нельзя шуметь.

— Я и не шумела. Я спала.

Оля засмеялась и отъехала на стуле от стола.

— Вот и я говорю: кино для взрослых женщин.

— Тогда почему я уснула?

— Потому что ты влюблена. Влюблённым кино не нужно, — сказала Света.

Лика не стала спорить и включила компьютер.

Телефон на столе зазвонил через десять минут. Внутренний, с девятого.

— Лика? — Голос помощницы звучал ровно. — Илья Владимирович просит вас зайти. Сейчас.

— Что-то срочное?

— Не знаю. Он просил сейчас.

В трубке щёлкнуло.

Лика положила её на место и почему-то посмотрела на свои руки.

— Что там? — спросила Оля.

— Генеральный зовёт.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Света переглянулась с Олей. Она взяла папку со сводом, хотя её не просили, поправила блузку и вышла. На девятом её встретила помощница и не улыбнулась.

— Можно? — Лика открыла дверь.

Илья сидел на диване, а не за столом. Пиджак висел на подлокотнике кресла, рубашка растёгнута на три пуговицы, щетина отросла за ночь, волосы включены. На столе стояли пустая бутылка и стакан. В кабинете пахло виски и застоявшимся воздухом. Шторы были задёрнуты наполовину.

— Ты ночевал здесь? — спросила Лика.

Он поднял на неё глаза, красные и усталые, за два месяца она ни разу не видела его таким.

— Садись.

— Илья, что случилось?

— Садись.

Лика села в кресло напротив, положила папку на колени. Сердце стучало где-то в горле.

Он смотрел на неё долго, будто видел впервые.

— Ты меня любишь? — спросил он.

— Конечно люблю. — Лика улыбнулась, потому что не знала, что ещё сказать.

Илья встал. Он подошёл, взял её за локоть и поднял из кресла. Папка соскользнула с колен и рассыпалась по полу белыми листами. Он подтолкнул её к столу. Лика успела упереться ладонями в столешницу, а он задрал ей юбку, потянул вверх блузку, развернул спиной к себе и положил животом на стол.

Столешница была холодная, он горячий. Она слышала его дыхание у самого уха. Илья нажал на поясницу и грубо вошёл одним толчком, так, что она вскрикнула. Он двигался жёстко.

— Скажи ещё раз, — выдохнул он.

— Люблю.

Он держал её за бедра и брал так, что стол скрипел и подрагивал. Илья собрал её волосы в кулак и потянул, заставляя выгнуться. Она слышала, как шлёпается кожа, как тяжело он дышит. Он двигался жёстко, всей силой, Лика растопырила пальцы по дереву. Ритма не было: он брал зло, будто что-то доказывал. Рука скользнула с её спины к бедру и стиснула так, что останутся следы. Он ускорился. Всё стянулось внутри, её накрыло так резко, что она вскрикнула в столешницу и забилась под ним. Он ещё несколько раз вошёл в неё и излился. Илья вышел из неё и сразу отошёл.

За спиной звякнула пряжка ремня. Лика осталась лежать животом на столе. Юбка задранная, блузка смята под мышками. Он не помог ей привести себя в порядок. Отошёл к окну, застёгивая рубашку, и встал спиной к ней, глядя на город.

Лика медленно выпрямилась, одёрнула юбку, поправила блузку. Что то было не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.